Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «…жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно…». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды…».

Однажды весной

Мы были очень молоды, когда встретились и полюбили друг друга. То время было похоже на сон. Я очень люблю весну. В нашем городе она особенно яркая, сочная и ароматная. Мой возлюбленный нашел местечко в парке, которое было предназначено только для нас. На небольшой лужайке цвел огромный каштан, клумбы вокруг были засажены разноцветными тюльпанами, рядом росла декоративная сирень малинового и белого цветов. Когда на парк налетал легкий весенний ветерок, лепестки цветущих деревьев и кустов ароматными облаками кружились над нашими головами. Мы были счастливы. Родители нас поддержали и помогли деньгами. Так что уже осенью состоялась свадьба.

Говорят, первый год супружеской жизни самый сложный, но я этого так и не узнала. Мы заботились друг о друге, уступали в мелочах, серьезно никогда не ссорились. На второй год совместной жизни я узнала, что беременна. Весь срок я буквально летала. Домашние хлопоты были в радость. Наступил тот волнительный час, когда наш мальчик должен был появиться на свет. По словам врачей, все прошло без осложнений. Но почему-то даже после родов меня не покидала тревога. Оказалось, не случайно. На следующую ночь я проснулась от шума и суеты в коридоре. Сердце вдруг стало выпрыгивать из груди. Я вышла посмотреть, что случилось, но медицинская сестра скомандовала вернуться в палату. Утром мне сообщили, что наш сын умер… Доктор невнятно пыталась объяснить, что в крови ребенка оказалось большое количество антител, которые возникают из-за резус-конфликта родителей. Она утешала только тем, что в следующий раз все получится, что мы еще молодые и справимся с этим горем.

Но слова не помогали. Я упала на кровать и проплакала целый день, болела грудь от прилива молока, душа ныла, сердце разрывалось от горя. Ко мне пригласили психолога, которая искренне пыталась подобрать нужные слова, но ничего не откликалось на ее вялые призывы жить дальше. В больнице мне пришлось задержаться 10 дней – дней ада и пыток. Я видела, как приносят младенцев на кормление к счастливым мамам, как пьяненькие отцы висят на пожарных лестницах с шарами и цветами и благодарят своих женщин за рождение детей, как медицинский персонал собирается рядком, чтобы проводить очередную мамашу на выписку. Мне оставалось только дождаться, чтобы меня наконец-то выпустили из этого кошмара. Мой муж проявил невероятную выдержку, до моей выписки он убрал детские вещи из дома и оборудовал из комнаты малыша свой кабинет. Мы все хотели забыть этот страшный сон.

Прошло время, и снова наступила весна. Зеленая трава отчаянно прорывалась даже сквозь потрескавшийся асфальт. Мы гуляли по нашему парку, заглянули в наше местечко и пообещали снова попробовать жить. С крайней тщательностью оба прошли обследование. Убедившись, что опасности нет, той же осенью я снова забеременела. Врачи с особым вниманием отнеслись к этой беременности. Я ответственно принимала все, что назначала врач, берегла себя. Правда, с мужем мы договорились, что в доме детских вещей пока не будет. Роды прошли успешно. Родился мальчик. Врач похвалил меня за примерное поведение. Но мне было запрещено кормить грудью три дня. Я с легкостью приняла эту новость, но каждую минуту просила уточнить состояние моего сына. На вторые сутки после рождения я стала лучше спать, видеть сладкие сны. Перед тем как мне должны были разрешить кормить самой, я всю ночь не спала, мечтала. Но вдруг я услышала шум в коридоре. Мое сердце даже не екнуло, не может горе приходить дважды. И ошиблась, к шести утра нашего мальчика не стало…

И снова психолог, привычные диалоги, пустые наставления, тупая ноющая боль в груди, сердце и душе. Мне объяснили, что надо было с первой минуты давать моему мальчику нужные препараты, но, полагая, что еще не время, препараты поступили в кровь младенца, когда его уже невозможно было спасти. Я стояла и слушала этот приговор, ни одна слезинка не скатилась с моей щеки. Я как будто высохла вся изнутри. Дождавшись следующей ночи, я пошла в туалет, где были большие окна. Распахнув фрамуги, я залезла на подоконник. Это был пятый этаж. Босой ногой я наступила на карниз. Мне хотелось одним шагом прекратить эти страдания. Но вдруг налетела туча, и хлынул дождь. Поток прохладного воздуха с водой освежил меня, я вдруг опомнилась и вернулась на подоконник. Внезапная стихия как будто встряхнула меня, я присела и горько заплакала. На шум прибежала старенькая санитарка, она все поняла, подошла и просто обняла меня. Она гладила меня по голове и что-то шептала. А когда я успокоилась, взяла с меня обещание больше не думать о глупостях.

Меня выписали, и мы снова старались жить дальше. Я устроилась на работу по профессии, мужу дали повышение. Дома мы встречались лишь по вечерам, выходные проводили порознь. В доме нашем перестали собираться друзья, от родственников мы отстранились. Так прошел целый год. Под видом загруженности муж перебрался спать в кабинет. Между нами выросла огромная стена. Однажды мне было очень одиноко, я отправилась в когда-то любимый парк. На нашем местечке орудовала бригада. Оказалось, во время недавней грозы молния попала в наш каштан, развалив огромное дерево на части. Для безопасности посетителей было принято решение вырвать остатки дерева, а землю заровнять. Я смотрела и плакала, как пять чужих человек уничтожают наше весеннее дерево навсегда. Вернувшись домой, я впервые за год приготовила семейный домашний ужин. Когда я встретила мужа у двери, очень удивилась. У него в руках были разноцветные тюльпаны. Оказалось, каждый вечер после работы он заходил в наш парк и сегодня увидел эту катастрофу... Мы бросились друг другу в объятия. В тот вечер мы не ужинали совсем…

Осенью я забеременела и почти сразу поселилась в городской библиотеке, связалась с лучшими врачами страны, написала в медицинский центр Москвы. В таком информационном поле, ответственном режиме прошло девять месяцев. УЗИ показало, что у нас будет сын. Мы сразу дали ему имя – Александр (победитель). В последний месяц весны Александр появился на свет. Утром в обед и вечером я следила за всеми манипуляциями, что производили с сыном. Проверяла сроки годности препаратов, следила за точными указаниями профессора, с которым переписывалась всю беременность. В ночь перед выпиской я снова услышала шум в коридоре. Не задумываясь, в одной ночнушке я побежала в детскую комнату к сыну. Меня перехватила постовая сестра и стала требовать, чтобы я быстро пошла спать. Дикой кошкой я набросила на нее, сбила с ног и заскочила в палату, где спали младенцы. Быстро пробежав глазами по кроваткам, я заметила одну пустую. Ужас захватил мое сердце, я стала кричать. Ко мне подошла постовая сестра и нянечка, они объяснили, что моего мальчика переложили на другую кровать, а эта кровать пустая, потому что ребеночка выписали еще днем. Они подвели меня к Сашеньке, я увидела, как он мирно посапывал, и успокоилась. Тогда я спросила, а что за шум был в коридоре. Оказалось, чей-то мужчина пытался залезть в отделение через окно, его вытолкнули через дверь. В день выписки я узнала, что это был мой муж.

С ранних лет нашему Алексашеньке я говорила, что ждала его целых пять лет. Он с удовольствием рассказывал об этом другим детям в саду, потом в школе. Только недавно я узнала, что его друзья верили, будто я была беременна пять лет и считали его уникальным ребенком. Наш мальчик вырос достойным, добрым, отзывчивым юношей, который смог выжить, несмотря ни на что. Он действительно оказался уникальным ребенком... На первый день рождения нашего сына мы с мужем посадили новый каштан в любимом парке.

Однажды в морской пехоте

С самого детства я мечтал стать доктором. В домашней аптечке брал фонендоскоп (раньше я называл его слушалкой), тонометр (давлемоментр, по-детски) и с удовольствием лечил бабушку, маму, нашего кота. Последний страдал больше всех, у него все время было что-то перевязано бинтами. В юношестве мои детские игры превратились в увлечение, а потом и в смысл жизни. Я зачитывался энциклопедиями и книгами по анатомии. В выпускном классе я на «отлично» справился с химией и биологией, поэтому вопрос о выборе вуза в нашем доме не обсуждался. Я поступил в медицинский университет на лечебный факультет (кафедра общей хирургии). Вместе со мной на курс поступили такие же фанаты, как и я, поэтому с однокурсниками мы быстро нашли общий язык, с некоторыми даже подружились. Чтобы получить диплом, мне надо было много трудиться. Я с большим уважением относился к своей выбранной профессии, людям, которые давали мне знания, будущим коллегам, которые вместе со мной грызли этот гранит науки…

В те редкие дни, когда нам удавалось отдохнуть, будущие хирурги ходили на вечеринки к будущим кардиологам. Там завязывались знакомства и симпатии. Однажды я встретил прекрасную девушку. Мы сразу понравились друг другу, начали встречаться. Когда я поцеловал ее в первый раз, она вдруг отстранила меня и очень серьезно сказала: «Я, слышу, у тебя клапаны сердца смыкаются недостаточно плотно». Это было очень смешно и, главное, некстати. Я попытался снова приблизиться к ней, но она не унималась: «Это потому, что у тебя, скорее всего, нарушение нейрогуморальной регуляции сердечной деятельности, тебе срочно нужно пройти обследование». Сначала я подумал, что она шутит, стал корчиться от боли и изображать нехватку воздуха. Девушка кинулась меня спасать и пыталась накормить какими-то лекарствами. Я посмеялся, сказал, что мое сердце так сильно бьется из-за того, что она рядом со мной и, если бы нас не взяли в медицинский, мы бы удачно прошил экзамены в театральный вуз. Девушка разозлилась, обозвала меня дураком, больше мы не встречались. Несколько раз я пытался завязать романы с медичками, но каждая из них пыталась отточить свое лечебное мастерство на мне. Позже я понял, что связывать свою судьбу с девушкой медицинской профессии мне не стоит.

После окончания вуза меня направили для прохождения ординатуры в больницу

областного уровня. Наполненный знаниями, желанием спасать людей, верой в то, что смогу привнести много полезного для своей больницы и пациентов, я прибыл в медучреждение, где мне пришлось задержаться на всю оставшуюся жизнь. Заведующему отделением было чуть больше 50 лет, но выглядел он на все 70. Меня встретил угрюмый, небритый, с седыми растрепанными волосами «Филин» (так его за глаза звали в больнице). Руки он держал за спиной и все время что-то бормотал под нос. Его тяжелый хмурый взгляд был не для слабонервных. В первый день работы мне рассказали, что Ивана Степановича боятся и крепко уважают за мастерство все, кто с ним работал и у него лечился. Главное, что я должен был усвоить – никогда с ним не спорить. (Это было нетрудно. Опыт общения с моими женщинами давно привел меня к подобной мысли.) После непродолжительных наставлений началась моя новая жизнь, состоящая из операций, ночных дежурств и чужих страданий. Однажды к нам поступила бабушка лет восьмидесяти. Держалась она бодро, хотя сразу было понятно, что после недавней ампутации пальцев на ноге гангрена стала прогрессировать. Бабуля внимательно выслушала меня, достала трубку и стала курить прямо в палате. Я стал возмущаться, нога из-за закупорки сосудов приобрела почти черный цвет, о табаке нужно было забыть лет пять назад, но еще и курить в общей палате – это был перебор. Бабуля ухмыльнулась и попросила меня удалиться. Вспышка гнева охватила меня, я выскочил в ординаторскую. После нескольких минут моего громкого возмущения «Филин» довольный вскочил и со словами: «Наша хулиганка опять вернулась», быстро удалился из кабинета. Мне было интересно, как поведет себя наш грозный заведующий. Я был весьма удивлен, увидев, как Иван Степанович с нежностью приветствовал пациентку, будто они были родней друг другу. «Что же наш непослушный морпех опять порядок нарушает? Соскучилась, наверное?» Бабуля с прищуром посмотрела на заведующего, улыбнулась, притушила трубку и принялась расспрашивать о его жизни. Они мило поболтали и разошлись. Оказалось, наша старушка служила в Великую Отечественную войну то ли фельдшером, то ли санинструктором в бригаде морской пехоты. Учитывая возраст, состояние сосудов и боевое прошлое, эта бабушка была частым гостем нашего отделения. Все знали, что у нее несносный характер, поэтому безумно обрадовались, когда лечение этой «хулиганки» заведующий поручил мне.

Каждое утро мы встречались на обходе, я старался быть вежливым, но бабуля совсем не шла на контакт. Она не принимала лекарства, даже обезболивающие, курила, отказывалась соблюдать диету. В очередной обход, когда я увидел, что моя упрямая пациентка сидит и ест сало, а в воздухе пахло табаком, я взбесился. Она совершенно равнодушно посмотрела на меня и сказала: «Сынок, ты совсем извелся, надо беречь свои нервы, они тебе еще пригодятся». Я собрался вспыхнуть, но бабушка не дала мне сказать ни слова: «Хочешь, расскажу тебе секрет своего спокойствия?» Мой ответ ей был не нужен, и она продолжила: «Я много горя и беды повидала в своей жизни, да и путь мой почти закончился. Но есть еще одна причина моего спокойного принятия любых обстоятельств жизни. Однажды наша бригада морской пехоты попала в окружение, и вдруг по громкоговорителю мы услышали мужской голос с явным немецким акцентом: «Русский матросы, сдавайся. Гарантирую всем легкий смерть». Мы, конечно, не сдались, к нам почти вовремя подоспела подмога. Из всей бригады около

двух тысяч бойцов осталось в живых меньше трехсот человек. Из них – больше половины раненых. С тех пор, я точно знаю, что ничего страшней со мной уже не случится, подумаешь – гангрена».

Конечно, после рассказа я немного успокоился, но предупредил, чтобы бабушка вела себя как послушный пациент, потому как несу за ее здоровье персональную ответственность. После нашего разговора наступило временное перемирие. Я старался быть внимательным и не очень придирчивым, она с удовольствием делилась историями из своей непростой жизни. Заведующий обратил внимание на нашу дружбу. Он был очень удивлен тем, что мне удалось найти с бабулей общий язык. Филин одобрительно покачивал головой и иногда меня даже хвалил, чему я и все вокруг были очень удивлены. В ночные дежурства я приходил к моей пациентке, чтобы послушать, каким доктор должен быть на самом деле.

Вскоре я заметил, что бабушке стало значительно хуже, анализы подтвердили мои самые неутешительные предположения. Сердце было слишком слабым для операции, рана после ампутации пальцев на ноге стала гноиться, ткани ноги стали черными, постоянная испарина сопровождалась высокой температурой. Перед сном я пришел навестить ее и увидел, что она совсем слаба. Сначала я хотел разбудить медицинскую сестру, дежурившую в ту ночь, но бабушка не позволила этого сделать. Она так нежно сказала: «Пускай девчонки поспят, надо жалеть не только больных, но и тех, кто стоит рядом с тобой, не важно – у операционного стола или в перевязочной». Она попросила не волноваться и побыть рядом. Я видел, как боли мучают нашего отважного фельдшера, но ослушаться ее не решился. Так мы просидели до глубокой ночи, под утро бабушка заснула, а я решил уговорить главного врача сделать ей операцию. Иван Степанович выслушал меня, похвалил за такое участие, но в операции категорически отказал. Следующей ночью бабушка умерла. Я ругал себя за то, что не остался дежурить в ту ночь, что не настоял на операции, сделал что-то не так. «Филин» дал мне день отгула и сказал, что бабушка ушла тихо, не мучаясь. Перед смертью она попросила главврача передать, что из меня будет толк, но надо научиться сохранять спокойствие в любой ситуации и не волноваться по пустякам. Иван Степанович вытащил из кармана ее трубку и сказал, что это предназначено для меня, так хотела бабушка. С тех пор много воды утекло. Я остался работать в нашей больнице навсегда. Через несколько лет сменил ушедшего на пенсию «Филина», сохранил трубку отважной бабушки из морской пехоты. Ее курительную трубку я всегда беру с собой на операции, как талисман. Стараюсь быть спокойным, памятуя слова фельдшера-морпеха, но у меня пока не получается. Может, со временем все устроится?

Ариша ЗИМА